

23. Флаг Громадского сельсовета. Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 23.08.2007).

24. Świk W., Pięć lat w kraju niewoli. Wspomnienia Sybiraka. Czerniowce – 1893.

#### Список сокращений

Архив города Минусинска (АГМ)

Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ)

Государственный Архив Иркутской Области (ГАИО)

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ)

Национальный Архив Республики Хакасия (НАРХ)

Archiwum Zarządu Głównego Związku Sybiraków w Warszawie (AZGZS)

Archiwum Haliny Wojciechowskiej (АНВ)

УДК 91(с18) (571)(162.1)

С.А. Мулина

### Бунт барских конфедератов в Тобольске\*

Аннотация. Используя широкий спектр источников, автор реконструирует историю бунта польских конфедератов в Тобольске и сравнивает его с образом, сложившимся в историографии.

*Ключевые слова:* польская ссылка, барские конфедераты, история Сибири, Кароль Хоецкий, Д.И. Чичерин

S.A. Mulina

### Revolt Bara's Confederates in Tobolsk

Summary. The author reconstructs the history of the revolt of the Polish confederates in Tobolsk on the basis of a wide range of sources and compares it with the image of prevailing in historiography.

*Keywords:* Polish exile, Bara's Confederates, history of Siberia, Karol Hoyetsky, D. I. Chicherin

---

\* Статья подготовлена при поддержке РГНФ: проект № 16-01-00360 «Конфедераты в Сибири: между историей и мифом».

Бунт конфедератов в Тобольске в 1774 г. является слабо изученным, но символически значимым сюжетом польской сибиряды второй половины XVIII в. Так и не став предметом отдельного исследования, он успел мифологизироваться и обрасти противоречивыми домыслами.

Долгое время это историческое событие было известно лишь по воспоминаниям барского конфедерата Кароля Любича Хоецкого, сосланного солдатом в сибирские гарнизоны (1). Их информативность и познавательный потенциал высоко оценивается и современными историками (11). Между тем подтвердить информацию Хоецкого архивными источниками довольно сложно по причине недостатка последних. Мы обнаружили лишь одно упоминание о легендарном поляке. В реестре польских пленных конфедератов, отправленных в августе 1770 г. из соликамской военной канцелярии к сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину сказано, что Кароль Хоецкий показал себя шляхтичем, почему и получал в день 5 копеек кормовых (8, л. 2 об.). Из этого документа также видно, что он прибыл в Тюмень в партии из 164 конфедератов. Эта информация в целом не противоречит данным Хоецкого, упоминавшего, что он завершил в Соликамске 1769 год и провел первую половину следующего: встретил Рождество, новый год, Пасху и лишь потом был отправлен в Тюмень (1, с. 60). Что касается тобольского бунта, то К. Хоецкий не был его свидетелем и, как предполагают лучшие знатоки этого произведения – польские историки А. Кучиньский и З. Вуйцик, информацию черпал из рассказов поляков, включенных на службу в Сибирский корпус (1, р. 106).

В 1928 г. польский исследователь В. Конопчиньский опубликовал отрывок рапорта сибирского губернатора Д. И. Чичерина о бунте конфедератов в Тобольске (4, р. 180–181). Документ был представлен в переводе на польский язык и без точного указания места хранения оригинала. В конце XX в. этот же отрывок вошел в качестве приложения к мемуарам Кароля Хоецкого, подготовленным к изданию А. Кучиньским и З. Вуйциком (1, р. 186–187). По мнению польских ученых, оригинал документа хранится в одном из архивов Санкт-Петербурга, а сам текст рапорта отретуширован и тенденциозен (1, р. 106). Данный документ не противоречил воспоминаниям Кароля Хоецкого и еще более укрепил доверие ученых к мемуаристу.

Российские историки рассматривали тобольский бунт конфедератов, как правило, на фоне более грандиозных социальных волнений того времени – крестьянской войны Е. Пугачева. В работе известного русского историка А.И. Дмитриева-Мамонова, имевшего доступ к материалам экспедиции командующего сибирским корпусом И.А. Деколонга, тобольские события были представлены как отголосок пугачевского бунта, а их причинами названы плохое содержание нижних чинов и грубое отношение к ним со стороны начальников воинских команд (10, с. 133).

Советские историки и историки Польской Народной Республики продолжили эту традицию, одновременно подчеркивая социальные корни восстания конфедератов и преувеличивая размах реальных событий. По мнению В.А. Спиркова, тобольский бунт 1774 г. стал «последним, наиболее массовым волнением среди пленных польских конфедератов, насильно определенных в солдаты царской армии» (19, с. 28). Он ставит тобольские события в один ряд с волнениями пленных поляков в 1773 г. в Оренбурге, Таналыкской крепости, случаями группового перехода солдат из конфедератов на сторону восставших. По его мнению, поляки тщательно готовили восстание в Тобольске и имели руководящий центр из 24-х человек. Но наибольшей мистификации заговор поляков достиг в работе З. Млынарского. По мнению исследователя, в тобольском гарнизоне существовала организованная группа конфедератов, которая проводила регулярные встречи, разрабатывая планы восстания. Соглашаясь с тем, что конфедераты ставили главной своей целью освобождение из плена, З. Млынарский утверждал, что они должны были понимать, что это было возможно, только опираясь на мощное восстание народных масс, которое под предводительством Пугачева потрясло всю систему царского самодержавия (7, р. 106–107).

Привязка тобольских событий к пугачевским волнениям стала причиной некоторых фактических ошибок в более поздних и даже современных работах. В одном из российских словарных изданий написано: «Под воздействием слухов об успехах Пугачева в ноябре 1773 вспыхнул мятеж ссылных в Тобольске, подавленный силами гарнизона» (14). Между тем бунт конфедератов в Тобольске произошел не в 1773 г., а в сентябре

1774 г., уже после окончательного разгрома пугачевских войск под г. Царицыным. Неправильная датировка событий (1773 г.) проникла также в исследование польского историка В. Масыжа (6, р. 20).

В качестве достижений советской историографии отметим выявление дополнительных источников о пленных конфедератах в Сибири. В частности В.А. Спирков имел доступ к полной версии рапорта сибирского губернатора о тобольском бунте, хранящегося в Коллекции уголовных дел по государственным преступлениям (фонд 6) Российского государственного архива древних актов. Но источник был использован не в полной мере, поскольку основное внимание исследователя было приковано к участию поляков в движении Е. Пугачева. Между тем полная версия рапорта и сопутствующие ему документы, вошедшие в дело, позволяют уточнить многие детали бунта конфедератов.

В мемуарах К. Хоецкого говорится, что причиной недовольства поляков стало то, что сибирский губернатор не отпускал их на родину, несмотря на амнистию. Рапорт Д.И. Чичерина подтверждает, что поляки от соотечественников, отправляемых из Тобольска на родину: полковника Ненха и других «лучших шляхтичей», слышали об амнистии, которая якобы распространяется на всех ссыльных конфедератов. Не дождавшись отправки на родину, главные «начинщики» в количестве 24 человек, служившие в разных командах, «видясь один с другим на рынке и других местах», договорились все просить увольнения (18, л. 4).

Власти особенно заинтересовались полковником Ненха. Правительствующий Сенат запросил сведения в Тайной экспедиции и Военной коллегии о нем, а также о других шляхтичах, пребывавших в Тобольске и после освобождения отосланных в свое отечество, а также информацию, почему другие конфедераты были оставлены в Сибири. Оказалось, что Иван Ненха – шляхтич Подольского воеводства, 55 лет, состоял с 1736 г. в польской службе в роте маршалка Княжества Литовского князя Юзефа Паулина Сангушки панцирным товарищем, с 1 февраля 1768 г. – командиром, а в конфедерации – войсковым судьей. В плен был взят 28 февраля 1769 г. под местечком Сорокиным генералом-поручиком А.А. Прозоровским. В списке уволенных конфедератов, присланном сибирским губернатором, под ревер-

сом он подписался войсковым судьей Яном Ненхою (18, л. 6 об.). Этот же человек упоминается в списке конфедератов, составленном Тесби де Белькуром (1, р. 186; 5, р. 18).

Исследования сибирских историков С.А. Мулиной и А.А. Крих также подтверждают тот факт, что события в г. Тобольске были спровоцированы уверенностью конфедератов в том, что сибирский губернатор весьма вольно трактует указ от 10 сентября 1773 г. и сознательно не отпускает их на родину (11, с. 709). Упомянутый указ «об освобождении пленных польских мятежников и находящихся между ними французов» действительно имел множество ограничений (16, № 14.038, с. 821). Наиболее ощутимым оказалось исключение из сферы действия амнистии военнопленных поляков, принявших православие, в результате чего большая часть перекрещенных польских ссыльных встала на сторону недовольных (11, с. 710). Сам же сибирский губернатор, оправдывая свои действия, ссылаясь на указ от 5 августа 1773 г., полученный из Военной коллегии, по которому удержал в Сибири конфедератов, определенных на военную службу и принявших веру греческого исповедания; а также на указ Военной коллегии от 7 октября 1770 г., предписывавший сибирскому губернатору рослых, здоровых и годных к полевой службе конфедератов определить в состоящие в сибирском корпусе карабинерный и драгунские полки, а прочих оправить в гарнизонные батальоны и на поселение, но в работы не употреблять (18, л. 26 об. – 27).

К. Хоецкий утверждал, что поляки смогли осуществить свои планы: во дворе губернаторского дворца они сложили с себя оружие и амуницию и решительно потребовали у губернатора отпустить их на родину. Д.И. Чичерин, сбитый с толку этим поступком, мягко просил конфедератов отнести оружие и мундиры в свои гарнизоны, а утром следующего дня вернуться за паспортами. Когда безоружные конфедераты вернулись, их ожидали несколько тысяч военных и вооруженных жителей города (1, р. 104–105).

В рапорте Д.И. Чичерина Сенату говорится, что выступление, описанное польским мемуаристом, осталось только в планах конфедератов, поскольку заговор был раскрыт, а его участники схвачены. Согласно рапорту, поляки планировали во время парада 22 сентября 1774 г. совершить «формальный бунт»,

отказаться от службы и повиновения. Множество собравшегося народа воспрепятствовало исполнению задуманного, поэтому было решено произвести бунт 30 сентября. В этот день находившиеся в военной службе шестеро польских конфедератов пришли к прокурору Тобольской губернии Пестрикову и просили его отпустить их в отечество. В поданном прокурору письме они написали, что «когда в пуску им в отечество не сделается, то все единогласно положили намерение: служить не хотят» (18, л. 3). Тогда же податели письма были взяты под стражу. Власти, опасаясь возможной связи тобольских событий с социальными выступлениями, охватившими многие губернии России, решили провести дознание о причине действий бунтовщиков и выяснить, только ли в том, что они не были отпущены на родину, состоит их недовольство, и кто главные возмутители.

Если Хоецкий не называет никаких имен, то в рапорте Чичерина содержится информация о 24-х зачинщиках. Уже этот факт говорит о том, что допросы конфедератов проводились весьма пристрастно, раз шестеро взятых под стражу поляков выдали в 4 раза большее количество недовольных. В то время, пока проходили допросы схваченных участников событий, остальные пленные конфедераты были заперты в гостином дворе под охраной вооруженных купцов и ямщиков. Русских военных в городе было недостаточно, из-за их участия в подавлении восстания Е. Пугачева.

По мнению властей, главными бунтовщиками оказались «сочинитель их писем и между собою условиев» Савелей Козицкой, а также Петр Райковской, Тадеуш Богуш, Матвей Радивилович, Михайла Ташкевич, Петр Янгилевской, Яков Митославской, Антоний Раматовской, Лукаш Веселович, Андрей Нарасинский, Юзеф Заморской, Даниил Крутинский, Петр Войнаровской, Воицех Славинской, Иван Степановской, Яков Нузаревич, Иосиф Мадар, Якуб Веяло, Антон [Енжреевской], Андрей [Чичович], Антоний [Фензеняяр], Юзеф [...головацкой], Степан [Маскочик] и Мачей Петровской. К сожалению, мы не имеем практически никакой информации об этих людях. По списку, составленному Тесби де Белькуром, мы идентифицировали только двух зачинщиков бунта: Тадеуша Богуша и Петра Войнаровского (5, р. 30, 142). В списке конфедератов, находящихся в Тюмени и назначенных к определению на службу в

состоящие на сибирской линии драгунские полки, значится Лей Козицки, но одно ли это лицо с Савелием Козицким не понятно (8, л. 12). В письме к И.А. Деколону от 2 октября 1774 г. сибирский губернатор пояснял, что в числе главных зачинщиков заговора был Савелий Козицкий, служивший нижним чином в Омском батальоне (10, с. 133). Это сообщение позволило А.И. Дмитриеву-Мамонову сделать вывод, что в бунте приняли участие не только поляки, служившие в тобольском гарнизоне, но и размещенные по войскам сибирской линии. Мы полагаем, что даже если Козицкий служил в омском батальоне, то на момент бунта находился в Тобольске, иначе за столь краткий срок – с 22 сентября, когда были схвачены первые участники бунта и до 2 октября, когда было написано письмо – власти вряд ли успели произвести аресты в других городах.

Общее количество участников бунта приравнивается исследователями к количеству пленных польских конфедератов, находившихся на службе в Тобольске. А.И. Дмитриев-Мамонов, ссылаясь на письмо Чичерина Деколону, пишет, что все польские пленные, «генерально, сколько их в Тобольске в разных командах ни есть, имели общий заговор», и «все числом до 400 человек в тот же момент арестованы» (10, с. 133). Из доклада Д.И. Чичерина видно, что в Тобольске на момент бунта находилось 390 польских пленных конфедератов, «коиными содержались караулы и разъезды» (18, л. 18). Но другие документы, вошедшие в дело, в том числе принадлежавшие перу сибирского губернатора, позволяют немного скорректировать эту цифру до 391. Из этого количества конфедератов 268 приняли участие в бунте, а 123 – нет.

Сибирский губернатор представил в Сенат подробную ведомость о 268 конфедератах, участвовавших в бунте, с информацией, когда и откуда они были присланы в Тобольск (18, л. 11–11 об.). Среди них были конфедераты, присланные из Казани от казанского генерал-губернатора А.Н. Квашнина-Самарина в декабре 1769 г. – 35 человек и в августе 1770 г. – пятеро. Из пермской провинциальной канцелярии с повелением казанского губернатора пришли в Тобольск в сентябре 1770 г. 22 человека. От казанского генерал-губернатора Я.И. фон Брандта в 1770 г. был прислан один конфедерат, в 1771 г. – семеро, в 1772 г. – 63 и в 1773 г. – 39. Из Троицкой крепости от комен-

данта бригадира А.А. де-Фейервара в двух партиях пришли 2 и 5 февраля 1771 г. соответственно 49 и 47 человек. Они состояли на службе в оренбургских батальонах, и попали под подозрение в связи с начавшимися волнениями. Интересно, что эти две партии пришли в Тобольск в сопровождении конвойных офицеров, назначенных из числа тех же пленных конфедератов: первая партия – с каптенармусом Шикорским, а вторая – с каптенармусом Беляцким, которые, получается, тоже приняли участие в тобольском бунте. По сведениям Д.И. Чичерина, участниками возмущения были конфедераты, давшие присягу верности как в губернских ротах, так в батальонах и в казачьей команде.

Утверждение К. Хоецкого, о том, что в Тобольске к началу бунта скопилось около 600 конфедератов, тоже имеет под собой основания (1, р. 104). Скорее всего, кроме упомянутых нами конфедератов в количестве 391 человека, в это число вошли также конфедераты, состоявшие на службе в тобольских губернских ротах и гарнизонных батальонах, но находившиеся в походе. Таковых по данным сибирского губернатора было 201 человек (17, л. 1).

В литературе закрепилось свидетельство К. Хоецкого о том, что семеро человек, признанных предводителями бунта, по приказу сибирского губернатора были прикованы к столбу и наказаны 800 ударами розог, на лбу у них было выжжено клеймо, вырваны ноздри. Закованные в кандалы, они были отправлены в вечную ссылку. По свидетельству М. Яника, это «ужасное преступление» сибирского губернатора вспоминали даже спустя сто лет, добавляя новые подробности. Согласно одному из таких свидетельств, Д.И. Чичерин приказал стрелять по взбунтовавшимся полякам, а умирающих приволокли на покатый берег Иртыша и, привязав к каждому камень, столкнули в реку. По другой версии пленных привязали к балкам, лежащим на берегу и сбросили в воду. С тех пор это место в Тобольске называется «Панин бугор» (2, р. 44). Схожая история, демонстрирующая жестокость сибирских властей по отношению к полякам, прозвучала у С.В. Максимова (13, с. 327) и Н. Палопеженцева (15, с. 63), а во второй половине XX в. была ошибочно перенесена историками с конфедератов на польских военнопленных участников наполеоновских походов. В настоящее время доказано, что происхождение оронима «Панин бугор» не связано с



историей польской ссылки (20, с. 43–58). Но появление подобного рода мифов способствовало виктимизации конфедератов в истории.

Рапорта Д.И. Чичерина подтверждают, что главные зачинщики в количестве 24-х человек были подвергнуты экзекуции и после сосланы на каторгу. Прочих участников заговора было решено, разбив на части, разослать по разным городам. При распределении на группы и отправке участников выступления в присутствии губернатора история получила неожиданное продолжение. Из находящихся в гостином дворе пленных конфедератов шесть человек выскочили и закричали своим, «чтоб стоять всем единодушно и не даваться до разбивки их на малые партии» (18, л. 5). Недовольные были тут же схвачены, и инцидент не получил развития. Участникам так называемого «второго бунта» «в страх другим» также было учинено наказание 4 октября 1774 г., остальные в кандалах были разосланы по сибирским городам и наиболее крупным сёлам.

К доношению в Правительствующий Сенат от 9 октября 1774 г. сибирский губернатор приложил рапорт с информацией, какое число конфедератов и куда было отправлено. Оказалось, что все 268 участников бунта покинули Тобольск. В г. Красноярск было отправлено 30 человек, в г. Тару – 35, в г. Енисейск – 48; партиями по 35 человек поляки были разосланы в г. Березов, г. Сургут и Самаровский ям; 30 человек оказалось в г. Томске и 20 – в Демьяновском яме (17, л. 1). Интересна пометка, что в числе 48 конфедератов, отправленных в Енисейск, находились 11 первых «начинщиков» бунта. Кто вошел в это число, не поясняется. 123 конфедерата, не принявшие участия в бунте, остались и далее служить в Тобольске. Польский историк В. Евсевицкий пишет о том, что несколько участников тобольского бунта были высланы на каторгу в Нерчинские рудники (3, с. 25), но официальная документация не дает тому подтверждения.

15 июня 1775 г. Екатерина II подвела итог под этими событиями. Поскольку зачинщики тобольского возмущения публично по законам уже были наказаны, то другого решения об их судьбе императрица делать не стала, подчеркнув только то, что от каторжных работ они никогда не могут быть освобождены. Тех, кого сибирский губернатор за участие в бунте разослал по

разным местностям Сибири, было велено избавить от телесных наказаний, освободить из оков, годных и здоровых поляков распределить на разные казенные заводы в работы, а негодных – на поселение, но так, чтобы оные в одно место по многому числу не были соединяемы. Оставшимся 123 конфедератам за то, что они не пристали к бунтовщикам, было указано выдать вознаграждение: «не в зачет каждому за треть жалованья» (18, л. 29–30). Интересно, что после тобольского бунта власти не изменили своего отношения к конфедератам, принявшим правослаvie, подтвердив положение указа от 10 января 1773 г. не выпускать таковых из России (18, л. 34).

В целом местные власти проявили определенный реализм в осмыслении тобольских событий и не стали связывать их с пугачевским движением. Но надзор за польскими пленными был усилен. Генерал Деколонг предложил всем начальником военных частей, расположенных по сибирской пограничной линии, «иметь неослабное примечание над состоящими в здешних местах конфедератами, отобрав от них ружья и патроны» (10, с. 133–134). Приказание генерала было приведено в исполнение во всех командах, встретив протест лишь со стороны начальника 13 легкой полевой команды премьер-майора Эртмана, донесшего, что находящиеся в его команде конфедераты, в количестве 21 человека с успехом участвовали в подавлении мятежа на территории Ялуторовского дистрикта, поэтому несправедливо налагать на них какое-либо позорное наказание. Протест был уважен и конфедераты этой команды сохранили оружие и патроны.

Реконструкция событий осени 1774 г. в Тобольске далека от завершения. Например, мы практически ничего не знаем о дальнейшей судьбе участников тобольского бунта. Нам удалось обнаружить лишь одного бывшего бунтовщика – польского шляхтича из конфедератов Францышка Матвеева сына Здановского, который за участие в тобольском бунте был отправлен в Самаровский ям. С 1 мая 1784 г. он служил рядовым в Тобольской статской губернской роте, с 21 января 1789 г. – капралом, с 1 января 1792 г. – сержантом. На 1794 г. он состоял налицо в конной команде, имел 53 года, был женат на дочери российского разжалованного дворянина Авдотье Ильиной 37 лет, имел сына Семена шести лет. Таким образом, участие в бунте не

помешало ему обустроить свою жизнь в Сибири. Но, несмотря на то, что он смог вернуться в Тобольск и получить должность сержанта, в ведомости около его фамилии стояла пометка местных властей: «за прописанным пороком к повышению чина не аттестуется» (9, л. 4 об. – 5).

### Список литературы и источников

1. Chojecki, K. Pamięć dzieł Polskich / Karol Lubicz Chojecki ; na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczyński i Zbigniew J. Wójcik. – Bagno [etc.] : Wyższe Seminarium Duchowne Salwatorianów; Stowarzyszenie «Wspólnota Polska», 1997. 204 p.
2. Jewsiewicki, W. Zesłanie konfederatów barskich na Syberię i do Kraju Orenburskiego / W. Jewsiewicki // Niepodległość i Pamięć. № 5/2 (11). 1998. P. 7–28.
3. Konfederacja barska : wybór tekstów / wstępem i objaśnieniami zaopatrzył Władysław Konopczyński. Biblioteka narodowa. Serja 1. Nr. 102. Kraków : Krakowska Spółka Wydawnicza, dr., 1928. XLVI, 215 p.
4. Kraushar, A. Konfederaci barscy na Syberyi (1774) / A. Kraushar. Kraków : nakład Redakcyi «Świata», 1895. 160 p.
5. Masiarz, W. Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii : 1838 – 1922 / Władysław Masiarz. Kraków: Wydaw. i Poligrafia Zakonu Pijarów, 1999. 201 p.
6. Mynarski, Z. Konfederaci barscy w powstaniu Pugaczowa / Z. Mynarski // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. – Warszawa, 1956. № 3–4. P. 77–108.
7. ГБУТО ГАТО (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»). Ф. И6. Оп. 1. Д. 326 а.
8. ГУТО ГАТ (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. И341. Оп. 1. Д. 274.
9. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири: очерк по документам экспедиции генерала Деколлонга / А.И. Дмитриев-Мамонов. М.: Университетская типография, 1898. 152 с.
10. Крих А.А. Польские конфедераты в Западной Сибири / А.А. Крих, С.А. Мулина // Przegląd Wschodni. 2014. Т. XIII. Z. 3 (51). P. 705–747.
11. Кучинский А. Кароль Любич-Хоецкий – барский конфедерат в ссылке / А. Кучинский, З. Вуйцик // Польские ссылки в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. С. 295–302.
12. Максимов С.В. Сибирь и каторга / С.В. Максимов. В трех частях. Издание третье. СПб., 1900. 487 с.
13. Оренбургская пушкинская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 24.11.2016).
14. Палопеженцев Н. Польская смута в Сибири в 1814 году / Н. Палопеженцев // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. Тобольск, 1897. С. 63–72.
15. Полное собрание законов Российской империи, 1-е изд. СПб. 1830. Т. XIX.

16. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248. Оп. 113. Д. 293. Л. 1.

17. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 530.

18. Спирков В.А. Участие пленных польских конфедератов в крестьянской войне в России 1773–1775 гг. / В.А. Спирков // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 14. Сер. Истории, языка и литературы. С. 19–29.

19. Филь С.Г. Польские страницы тюменского краеведения. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2005. 320 с.

УДК 94(57)+343.261.3

*Е.В. Семенов*

### **Каторжные работы польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в.**

В статье рассматривается малоисследованный вопрос пребывания польских политических ссыльных – участников восстания 1863–1864 гг. в каторжных работах в д. Сивяково. Автор, опираясь на широкий круг архивных источников и мемуарного наследия польских ссыльных, дает характеристику каторжных работ польских политических ссыльных в Сивяково.

*Ключевые слова:* польские политические ссыльные, Сивяково, каторжные работы.

*E.V. Semenov*

### **Hard labor of Polish exiles in Sivyakovo prison in the 60<sup>th</sup> XIX century**

The article deals with little studied question of stay of Polish political exiles – participants in the uprising of 1863–1864 to hard labor in the village Sivyakovo. By relying on a wide range of archival sources and memoirs heritage of Polish exiles, characterizes the hard labor of Polish political exiles in Sivyakovo.

*Keywords:* Polish political exiles, Sivyakovo, hard labor

Вопросы изучения условий пребывания ссыльных участников польского национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. на территории Забайкалья до настоящего времени не